

Российский опыт

УДК 339.9(571.6)

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.04

Воздействие антироссийских санкций на динамику иностранных инвестиций в Дальневосточном федеральном округе

Антон Александрович КИРЕЕВ

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии

Дальневосточный федеральный университет

ул. Суханова, д. 8, г. Владивосток, Российская Федерация, 690950

E-mail: antalkir@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0274-4030

ЦИТИРОВАНИЕ: Киреев А.А. Воздействие антироссийских санкций на динамику иностранных инвестиций в Дальневосточном федеральном округе // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 3. С. 63–83. DOI: 10.31249/kgt/2025.03.04

Статья поступила в редакцию 26.03.2025.

Исправленный текст представлен 09.06.2025.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00605, <https://rscf.ru/project/24-28-00605/>

АННОТАЦИЯ. Цель исследования состоит в выявлении и оценке влияния политики западных санкций на долгосрочную динамику объемов и структуры прямых иностранных инвестиций (ПИИ), поступающих в Дальневосточный федеральный округ (ДФО) с начала 2010-х годов. В первой части статьи рассмотрены этапы становления санкционной политики, формирования ее субъектов, целей и объектов, методов и механизмов. Вторая часть статьи посвящена синхронному сравнительному анализу этапов санкционной политики и изменений в объемах притока и накопления ПИИ в ДФО, их географической структуре и отраслевом распределении. В итоговом разделе выделяются ключевые изменения в динамике

трансграничных инвестиционных связей ДФО, выдвигаются предположения о факторах этих изменений и той роли, которая в их ряду принадлежит политике санкций. Делается вывод о том, что урон, нанесенный притоку и накоплению ПИИ в ДФО санкциями, был относительно меньшим, чем на общероссийском уровне. Во многом это стало результатом работы созданной во второй половине 2010-х годов системы дальневосточных институтов развития. Вместе с тем преференциальная политика не смогла предотвратить концентрации ПИИ в добывающем секторе макрорегиона и быстро усиливающейся в условиях санкций зависимости его экономики от движения китайского капитала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политика санкций, ПИИ, инвестиционная политика, институты развития, структура инвестиций, ДФО.*

Как отдаленный от центра страны макрорегион позднего освоения российский Дальний Восток (РДВ) традиционно формировал повышенный спрос на иностранный капитал. Даже в советский период государство было вынуждено создавать (посредством концессионных соглашений) стимулы для его привлечения на дальневосточную окраину. В новейшее время необходимость иностранных инвестиций для Дальневосточного федерального округа стала особенно очевидной после 2011 г., когда на фоне сужающихся возможностей бюджетных вложений в макрорегион правительству пришлось приступить к выстраиванию в нем системы институтов развития. Одной из главных задач этой системы являлось преодоление всё более острого дефицита капитала за счет усиления притока в ДФО прямых инвестиций из-за рубежа. Однако почти одновременно с переходом нового курса экономической политики правительства на Дальнем Востоке в фазу реализации международные условия развития макрорегиона начали меняться. С середины 2010-х годов вместе со всей Россией ДФО становится объектом многостороннего и нарастающего санкционного давления.

Проблематика воздействия антироссийских санкций на динамику прямых иностранных инвестиций многогранна и может рассматриваться в разных аспектах и пространственно-временных масштабах. Цель данной статьи состоит в выявлении и оценке влияния

политики западных санкций на долгосрочную динамику объемов, географической и отраслевой структуры ПИИ, поступающих в ДФО¹. Для обнаружения основных, наиболее устойчивых, тенденций названных параметров ПИИ в ДФО в рамки исследования будет включен временной интервал с начала 2010-х по начало 2020-х годов.

Методологической базой настоящего исследования является сравнительный анализ в двух его вариантах: диахронном и синхронном. Метод диахронного сравнения необходим для определения внутренней временной структуры процессов формирования санкционной политики и динамики ПИИ в ДФО, их исторической периодизации, фиксации наиболее существенных изменений в значениях их ключевых переменных. Метод синхронного сравнения предназначен для установления сходств и различий в одновременных состояниях (этапах) санкционной политики и динамики ПИИ, для выявления степени согласованности их изменений и выдвижения предположений о существовании между ними причинных связей. Кроме того, синхронное сравнение динамик ПИИ разных пространственных уровней (глобального, странового и макрорегионального) позволит выделить особенности трансграничного движения капитала в ДФО и тем самым уточнить место политики санкций в ряду других его факторов.

Эмпирической основой исследования стала прежде всего официальная статистика ПИИ, предоставляемая Центральным банком Российской Федерации (ЦБ РФ). Вместе с тем ввиду неполноты данных ЦБ РФ² и их недоступности для ряда периодов (в особенности для 2022–2024 гг.) автором привлекалась

1 В границах 2018 г. В данной статье термины «Дальневосточный федеральный округ» и «российский Дальний Восток» используются как равнозначные.

2 Статистическое наблюдение ЦБ РФ охватывает не более трех сотен крупных компаний ДФО. См. [Кузнецова, 2018, с. 118].

статистическая информация других государственных организаций (Росстата, Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), Минвостокразвития России, АО «КРДВ»), а также материалы средств массовой информации (СМИ) и экспертные оценки. Помимо этого, в работе использована статистика стран-контрагентов ДФО (Китай, Республики Корея (РК), Японии, стран Европейского союза) и международных организаций, в частности Всемирного банка.

В первой части статьи будут рассмотрены этапы становления антироссийской санкционной политики стран Запада, формирования ее субъектов, целей и объектов, методов и институциональных механизмов. Вторая часть статьи будет посвящена поэтапному анализу произошедших с начала 2010-х годов изменений в объемах притока и накопления ПИИ в ДФО, в их географической (страновой) структуре и отраслевом распределении. В заключительном разделе исследования автор выделит ключевые изменения в долгосрочной динамике трансграничных инвестиционных связей ДФО, а также сформулирует предположения о составе основных факторов этих изменений и той роли, которая в их ряду принадлежит политике санкций.

Становление политики санкций в отношении ПИИ в Россию

Санкционное воздействие на трансграничные инвестиции в ДФО – это слабо дифференцированная часть обширного комплекса экономических и внеэкономических мер множества международных субъектов, который условно объединяется под общим наименованием политики антироссийских санкций. Исходя из изменений в содержании этой политики (в том числе в целях, объектах, средствах, методах

и механизмах ее инвестиционного компонента), в ее становлении можно выделить пять основных этапов.

Новейшую историю антироссийских санкций обычно отсчитывают с 2012 г., в декабре которого в США был принят так называемый закон Магнитского. Он заложил правовые основания для введения блокирующих финансовых и визовых санкций против группы государственных служащих Российской Федерации, причастных к делу Магнитского [Тимофеев, 2022, с. 141–142]. Конечной целью санкций на этом этапе (декабрь 2012 – февраль 2014 г.) было воздействие на внутривнутриполитическую ситуацию в России, в развитии которой Американская Сторона усматривала отход от принципов демократии и прав человека. Персональные санкционные меры, принятые властями США, не предполагали какого-либо эффекта для экономики России. Их назначение состояло, скорее, в том, чтобы направить российскому руководству предостерегающий сигнал о возможных дальнейших осложнениях в двусторонних отношениях.

Следующий этап в развитии западных санкций был открыт политическим кризисом на Украине и присоединением к России Крыма. На втором этапе (март 2014 – июль 2017 г.) цели санкционной политики изменились: ее внутривнутриполитические задачи были отодвинуты на задний план стремлением сдержать внешнеполитическую активность России. Новая трактовка целей санкционной политики обновила состав ее субъектов и объектов. К США, как инициатору данной политики, весной – летом 2014 г. в качестве ее в разной степени самостоятельных участников присоединились ЕС и страны G7. Объектами их санкционных мер на этом этапе, наряду с органами власти Российской Федерации, стали предприятия оборонно-промышленного комплекса страны,

банки, а также ряд крупных добывающих компаний, являвшихся важными донорами федерального бюджета. Расширился и спектр средств воздействия: помимо новых персональных санкций, в него были включены финансовые, торговые и технологические ограничения в отношении юридических лиц [Киреев, 2025, с. 40]. Они, как правило, не затрагивали непосредственно ПИИ³, однако в совокупности ухудшали условия деятельности иностранных инвесторов в России. Кроме того, давление на инвестиционное сотрудничество должна была оказать развернувшаяся с 2014 г. в зарубежных СМИ информационная компания по дискредитации и бойкотированию России и российского бизнеса.

Уже на данном этапе санкционная политика коснулась и инвестиционных процессов на территории ДФО. Основную роль в этом сыграли так называемые секторальные санкции, введенные США и, в несколько меньшем объеме, ЕС в июле – сентябре 2014 г., в особенности меры против энергетического сектора России. Последние предусматривали как уменьшение (до 90 дней) сроков кредитов для крупнейших компаний сектора, таких как «Газпром», «Роснефть», «Новатэк», «Транснефть», «Лукойл», «Сургутнефтегаз», так и установление контроля над экспортом товаров, услуг и технологий, необходимых для разведки и добычи нефти и газа на глубоководных, арктических и шельфовых месторождениях. Эти меры осложнили реализацию совместных нефтегазовых проектов в Охотском море («Сахалин-1, -2, -3») и стали препятствием к заключению новых подобных инвестиционных соглашений

в ДФО [Преодолевая холод..., 2017, с. 110–111; Демаре, 2024, с. 37–41, 99]. Позднее, в 2015–2017 гг., ряд дальневосточных предприятий, принадлежавших названным нефтегазовым компаниям, были включены в список SDN⁴, что лишило их возможности привлечения американских, а фактически любых западных ПИИ.

Начало третьего этапа в эволюции санкционной политики (август 2017 – январь 2022 г.) было связано с принятием Конгрессом США закона CAATSA⁵. Данный закон систематизировал и формализовал режим санкций финансового, торгового, технологического и миграционного типа, введенных ранее против России, Ирана и КНДР. Кроме того, он впервые придал политике санкций статус долгосрочной стратегии. Если ранее санкционные меры являлись гибкими инструментами оперативного воздействия, находившимися в руках исполнительной власти США, то отныне изменения в них могли осуществляться только по согласованию с Конгрессом. Резко расширился и пространственный масштаб санкционной политики. Оформление механизма наказания зарубежных нарушителей американского санкционного режима («вторичные» санкции) превращало этот режим в экстерриториальный, по сути, глобальный.

Принятие CAATSA и серии последующих правовых актов США и их союзников не меняло целей и субъектов санкционной политики. Оно было направлено на повышение эффективности реализации этой политики, на упорядочение ее средств, на выстраивание институционально-правовых механиз-

3 Предметом финансовых ограничений был доступ к западным кредитам.

4 Specially Designated Nationals List // Office of Foreign Assets Control. – URL: <https://sanctionslist.ofac.treas.gov/Home/SdnList> (дата обращения: 11.02.2025).

5 Countering America's Adversaries Through Sanctions Act // U.S. Government Publishing Office. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-115hr3364enr/html/BILLS-115hr3364enr.htm> (дата обращения: 19.06.2024).

мов, необходимых для ее дальнейшей эскалации. Вместе с тем пространственное расширение и ужесточение политики санкций уже на этом этапе выявило неоднородность интересов вовлеченных в нее западных элит. Введение новых санкций против России замедлялось острой партийной и идеологической борьбой вокруг них как в самих США, так и в их отношениях со странами ЕС [Тимофеев, 2022, с. 143–144; Демаре, 2024, с. 101–136].

Среди действий стран-санкционеров на этом этапе для экономики ДФО наибольшее значение имело дальнейшее усиление «секторальных» санкций. В соответствии с CAATSA максимальные сроки кредитования российских банков и нефтегазовых компаний в очередной раз были сокращены (до 14 и 60 дней соответственно). Помимо этого, экспортные ограничения были наложены на все новые проекты по глубоководной и шельфовой добыче нефти и газа, в которых доля подсанкционных компаний составляла от 33%⁶ и более [Преодолевая холод..., 2017, с. 111–112]. Опираясь на тот же закон, в 2018 г. власти США впервые применили механизм «вторичных» санкций к китайским партнерам России. Хотя это решение было нацелено на сферу военно-технического сотрудничества и затронуло только одно госучреждение КНР, оно свидетельствовало о том, что США внимательно следят за развитием российско-китайского экономического взаимодействия. В апреле 2021 г. указом президента США область применения блокирующих санкций в отношении третьих стран была расширена: основанием для них теперь

могли послужить, по сути, любые сделки с российскими компаниями, входящими не только в оборонно-промышленный комплекс, но и в ряд других секторов, включая горнодобывающий. С этого момента число юридических лиц, подвергнувшихся американским «вторичным» санкциям в Китае и других странах, стало устойчиво расти [Тимофеев, 2024].

Переход к четвертому этапу (февраль 2022 – январь 2023 г.) в развитии политики санкций был вызван перепределением ее целей в ответ на начало СВО на Украине. Приоритетной целью этой политики, сохранившей свой многоцелевой характер, становится создание социально-экономических условий, способных обеспечить военное поражение России. Изменение целей санкционной политики потребовало корректив в составе ее субъектов и объектов. Собственных возможностей ядра коалиции санкционеров, сформированного еще в 2014 г., для полной изоляции России было недостаточно. В связи с этим США развернули активную деятельность по мобилизации в ряды коалиции менее крупных государств Запада, а также незападных стран. В результате к осени 2022 г. состав санкционной коалиции увеличился до 37 государств⁷. Одновременно был кардинально расширен спектр мишеней санкционного воздействия, в число которых вошло большинство отраслей экономики и сфер внеэкономической жизни России. При этом, по оценке американских властей, наиболее полно санкциями на этом этапе были охвачены российские органы власти, ОПК и банки⁸.

6 Ранее эта доля составляла от 50%.

7 Treasury-Commerce-State Alert: Impact of Sanctions and Export Controls on Russia's Military-Industrial Complex // Office of Foreign Assets Control. – 2022. – October 14. – URL: <https://ofac.treasury.gov/media/928856/download?inline> (дата обращения: 19.06.2024).

8 FACT SHEET: Disrupting and Degrading – One Year of U.S. Sanctions on Russia and Its Enablers // U.S. Department of the Treasury. – 2023. – February 24. – URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy1298> (дата обращения: 20.06.2024).

Что касается средств давления на Россию, то основные их типы применялись санкционерами еще до февраля 2022 г. Особенностью же данного этапа стала внутренняя дифференциация этих средств. Одним из проявлений такой дифференциации было выделение в группе финансовых санкций специальных мер по противодействию как портфельным, так и прямым инвестициям в Россию. Кроме того, мягкие методы реализации средств санкционного давления (такие как тарифные и лицензионные барьеры) активно вытеснялись в это время жесткими (прямыми запретами, блокированием активов). Так, целый ряд стран ввели в 2022 г. полные (США, Великобритания, Япония) или частичные, отраслевые (ЕС, Норвегия, Канада, РК) запреты на новые прямые инвестиции в российскую экономику⁹.

На РДВ главными мишенями санкционной политики на ее четвертом этапе были компании топливно-энергетического и горнодобывающего секторов. Сроки их кредитования сократились до 14 дней, ввоз иностранного оборудования и технологий, а также их сервисное обслуживание в основном были прекращены. Под полным запретом (со стороны США, ЕС, Японии и Великобритании) оказалось получение ими новых ПИИ [ТЭК России..., 2022; Дёмина, Мазитова, 2022, с. 73–76]. В сложившихся условиях крупные иностранные инвесторы должны были покинуть совместные проекты в этих секторах¹⁰. Показательным решением явилось и включение в марте 2022 г. одной из крупнейших компаний ма-

крорегиона – алмазодобывающей корпорации «АЛРОСА» – в список SDN, что фактически полностью отрезало ее от любых западных инвестиций.

Быстрое разрастание с февраля 2022 г. системы антироссийских санкций, усложнение ее географической и отраслевой структуры сопровождалось умножением «нестыковок», а иногда и прямых противоречий между ее компонентами и участниками, обострением проблем имплементации политических решений и комплаенса со стороны бизнеса. Осознание этого (прежде всего властями США) явилось предпосылкой для нового этапа в эволюции санкционной политики. Этот пятый этап (с февраля 2023 г.) был посвящен усовершенствованию институционально-правового механизма данной политики, в недостатках которого усматривалась главная причина ее низкой эффективности. Усовершенствование предполагало синхронизацию действий членов санкционной коалиции (к середине 2024 г. ее состав вырос до 45 стран) и блокирование путей обхода санкций, связывавших Россию с рынками товаров, услуг и капитала неприсоединившихся к коалиции стран.

Отправным событием для пятого этапа послужило создание в рамках G7 24 февраля 2023 г. «механизма координации правоприменения» (МКП) – межправительственного института из представителей ядра санкционной коалиции, уполномоченного осуществлять выявление и наказание «стран и фирм – пособников СВО»¹¹. За счет повышения неотвратимости вторичных санкций МКП и другие связанные

9 Путеводитель по санкциям и ограничениям против Российской Федерации (после 22 февраля 2022 г.) // Система Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/57750632/> (дата обращения: 18.12.2024).

10 Вместе с тем Японии удалось добиться согласия США на сохранение своего присутствия в проектах «Сахалин-1» и «Сахалин-2».

11 Nardelli A., Jacobs J. G-7 Set to Create New Tool to Bolster Enforcement of Russia Sanctions // Bloomberg. – 2023. – February 23. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-02-22/g-7-readies-new-tool-to-bolster-enforcement-of-russia-sanctions> (дата обращения: 13.07.2024).

с ним международные структуры должны были усилить влияние коалиции на поведение бизнеса незападных государств. При этом наряду с военно-техническим сотрудничеством с Россией более частым основанием для наложения вторичных санкций в 2023–2024 гг. становятся контакты компаний третьих стран с российскими контрагентами из списка *SDN*, а также причастность к транспортировке и продаже российских углеводородов [Тимофеев, 2024, с. 105–106].

В 2023–2024 гг. давление стран-санкционеров на инвестиционные отношения ДФО значительно возросло, свидетельством чему была динамика включения дальневосточных компаний в санкционные списки. Так, если за 2023 г. в *SDN* появилась 31 компания из ДФО, то за 2024 г. таковых насчитывалось уже 76¹². При этом среди компаний, подвергавшихся блокирующим санкциям, неуклонно росла доля организаций, относящихся к горнодобывающему и топливно-энергетическому сектору. Из 76 компаний, попавших в *SDN* в 2024 г., к названным секторам, являвшимся основными получателями ПИИ в макрорегионе, принадлежали 42. Меры, принимавшиеся против этих отраслей, были тесно связаны с развернутой США и их союзниками борьбой с российским «теневым» флотом, активность которого концентрировалась в портах Тихоокеанского бассейна¹³.

Важным фактором развития инвестиционной ситуации на РДВ стал изданный в декабре 2023 г. указ президента США о введении санкций в отношении финансовых институтов третьих стран за участие в любых сделках, свя-

занных с предприятиями ОПК России, а также с иными, уже блокировавшимися ранее, российскими компаниями [Тимофеев, 2024, с. 100]. Это решение, являвшееся очередным шагом в расширении круга объектов вторичных санкций, было адресовано прежде всего китайским банкам. Учитывая возрастающую роль финансовых учреждений КНР во внешнеэкономических связях ДФО, оно не могло не отразиться на динамике ПИИ в макрорегионе.

Динамика ПИИ в ДФО

В первой половине 2010-х годов (вплоть до 2016 г. включительно), как можно видеть из рисунка 1, приток ПИИ в ДФО показывал в целом позитивную динамику, отличавшуюся высоким средним темпом роста. Первый этап санкционной политики (декабрь 2012 – февраль 2014 г.) не оказал на эту динамику сколько-нибудь заметного влияния, что объясняется точечным, персональным характером принятых в это время санкций. Некоторый спад в притоке ПИИ, наблюдавшийся в 2012 г., хронологически предшествовал первым санкциям и был обусловлен сугубо экономическими причинами. По своей глубине он был сходен с одновременными спадами в притоке ПИИ, имевшими место на общероссийском и глобальном уровнях. Спад 2012 г. практически не изменил количества предприятий с участием иностранного капитала в ДФО (1227 в 2011 г. и 1202 в 2012 г.). При этом количество предприятий с китайскими инвестициями даже выросло: с 498 в 2011 г. до 550 в 2012 г.¹⁴ Если с точки зрения стои-

12 С 2014 по 2022 г. в *SDN* было включено 30 компаний из ДФО. Подсчитано по: Specially Designated Nationals List // Office of Foreign Assets Control. – URL: <https://sanctionslist.ofac.treas.gov/Home/SdnList> (дата обращения: 11.02.2025).

13 Possible Evasion of the Russian Oil Price Cap // Office of Foreign Assets Control. – URL: <https://ofac.treasury.gov/media/931641/download?inline> (дата обращения: 29.09.2024).

14 Число предприятий с участием иностранного капитала (включая микропредприятия) // ЕМИСС. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/42990.do> (дата обращения: 17.02.2025).

мостных объемов притока ПИИ в ДФО в начале 2010-х годов лидерами выступали страны ЕС и Япония [Изотов, 2020, с. 173], то ведущее место по доле предприятий с ПИИ к этому времени прочно принадлежало Китаю.

Уже к началу 2010-х годов сложилась и сохраняющаяся в основных чертах до сих пор отраслевая структура притока и накопления ПИИ в макрорегионе. Подавляющая их часть направлялась в добычу полезных ископаемых, в первую очередь топливно-энергетических ресурсов. Главным получателем ПИИ в ДФО являлись нефтегазовые промыслы Сахалинской области [Изотов, 2020, с. 167–168; Глазырина, Фалейчик, Фалейчик, 2020, с. 225–226]. Так, в 2012 г. общий приток ПИИ в ДФО не стал отрицательным только благодаря инвестициям в Сахалинскую область. В 2013–2021 гг. доля Сахалина в макрорегиональном притоке ПИИ колебалась в пределах от 44,3 до 95,4%¹⁵, имея тенденцию к постепенному снижению.

Судя по рисунку 1, второй этап политики санкций (март 2014 – июль 2017 г.) также не получил видимого отражения в динамике притока ПИИ в дальневосточный макрорегион. Напротив, в 2014–2016 гг. приток инвестиций резко ускорился. В результате в 2016 г. был достигнут рекордный за всю постсоветскую историю РДВ объем привлеченных ПИИ (10,5 млрд долл.), что составляло около трети всего объема таких поступлений в Россию. Примечательно, что это происходило

на фоне обвального падения притока ПИИ в страну в 2014–2015 гг.¹⁶ и двух спадов в их притоке на глобальном уровне (2014 и 2016 гг.). Такая динамика РДВ была обеспечена в основном сахалинскими нефтегазовыми проектами. Вместе с тем стремительный, более чем 30-кратный, рост притока ПИИ с 2013 по 2016 г. произошел и в остальных регионах ДФО¹⁷.

Тем не менее определенный инвестиционный эффект от «секторальных» санкций данного этапа в экономике ДФО всё же может быть зафиксирован. Так, в 2015 г. в ДФО наблюдалось незначительное снижение объема накопленных ПИИ. Оно совпало по времени со снижением того же показателя на общероссийском уровне (рисунок 2), но имело меньшую глубину (5% против 6,4% к 2014 г.). Еще более рельефно изменения в инвестиционной обстановке в макрорегионе проявили себя в динамике количества предприятий с участием иностранного капитала: за 2014–2015 гг. этот показатель упал почти в 2 раза (до 682 предприятий)¹⁸. Таким образом, основной урон от санкционной политики понесли не крупные, а средние и мелкие иностранные инвесторы. Санкции воздействовали на них косвенно, через ухудшение общей экономической конъюнктуры в России: падение объемов производства и доходов населения, снижение цен на экспортные товары, обесценение рубля и т. д.

С географической точки зрения спад в накопленных ПИИ в ДФО в 2014–

15 Кроме 2018 г., когда приток ПИИ на Сахалин вновь компенсировал их совокупный отток из остальных регионов ДФО. Подсчитано по: Прямые инвестиции в РФ: операции по субъектам, в которых зарегистрированы резиденты // ЦБ РФ. – URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/dir-inv_reg-in.xlsx (дата обращения: 03.06.2025).

16 В литературе этот спад чаще объясняется не действием санкций, но снижением цен на нефть и девальвацией рубля [Экономическое развитие..., 2024, с. 76–78], однако следует учитывать, что спровоцировавшая их «сланцевая революция» в США являлась политически управляемым процессом.

17 Подсчитано по: Прямые инвестиции в РФ: операции по субъектам, в которых зарегистрированы резиденты // ЦБ РФ. – URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/dir-inv_reg-in.xlsx (дата обращения: 03.06.2025).

18 Число предприятий с участием иностранного капитала (включая микропредприятия) // ЕМИСС. – URL: <https://www.fed-stat.ru/indicator/42990.do> (дата обращения: 17.02.2025).

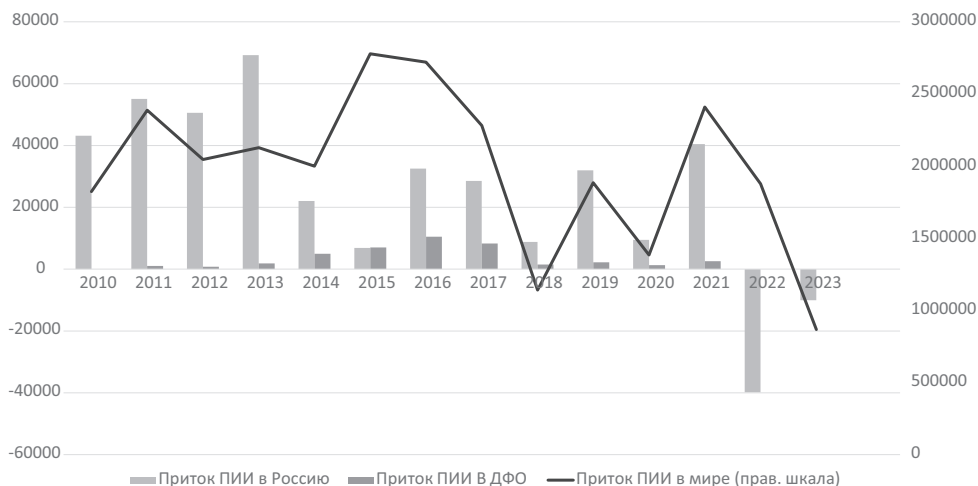

Рисунок 1. Динамика притока ПИИ в мире, России и ДФО (2010–2023 гг.), млн долл.

Figure 1. Dynamics of FDI inflows in the world, Russia and the FEFD (2010–2023), million USD

Источник: Прямые инвестиции в РФ: операции по субъектам, в которых зарегистрированы резиденты // ЦБ РФ. – URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/dir-inv_reg-in.xlsx (дата обращения: 11.02.2025); Всемирный Банк. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KL.DINV.CD.WD?view=chart> (дата обращения: 16.02.2025).

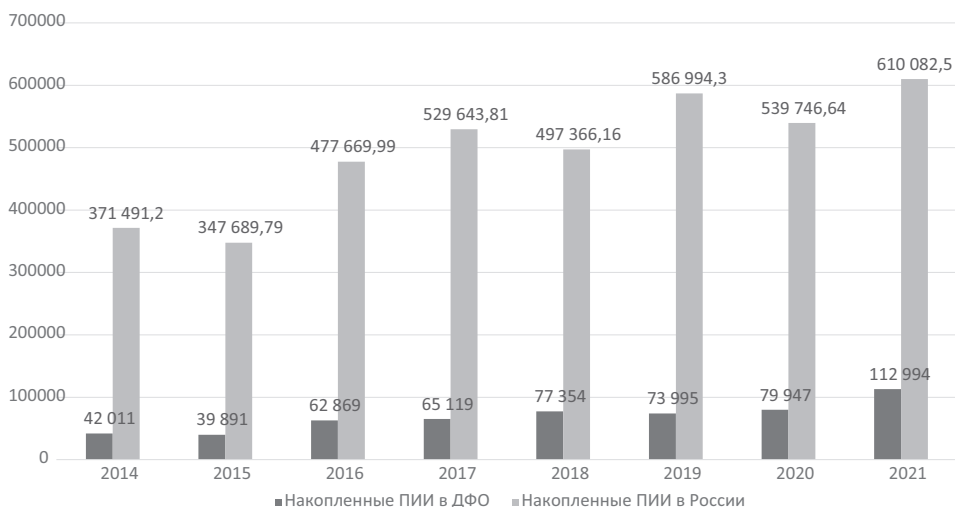

Рисунок 2. Динамика накопленных ПИИ в России и ДФО (2014–2021 гг.), млн долл.

Figure 2. Dynamics of FDI stocks in Russia and the FEFD (2014–2021), million USD

Источник: Прямые инвестиции в РФ: остатки по субъектам РФ по инструментам и странам-партнерам // ЦБ РФ. – URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/13-dir_inv.xlsx (дата обращения: 16.02.2025).

2015 гг. затронул широкий круг стран. Исходя из статистики ЦБ РФ, наиболее заметным он был для Китая, США и стран ЕС (прежде всего Великобритании). Данные Росстата за 2014 г. также зафиксировали уменьшение в ДФО числа предприятий с инвестициями из Китая и Великобритании¹⁹. Следует, однако, отметить, что вывод китайских инвестиций из макрорегиона в эти годы коснулся главным образом малого и среднего бизнеса. Приток же и особенно накопление крупного китайского капитала активно росли, распространяясь на регионы к западу от ДФО (см. рисунки 1 и 2). Этому способствовала развернутая с 2014 г. работа Межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству (МПК) [Антонова, Ломакина, 2021, с. 42–44].

Более серьезные последствия второй этап санкций имел для притока и накопления в России ПИИ из таких стран, как Япония и РК, для которых, напротив, была свойственна, скорее, тенденция концентрации своих вложений в пределах ДФО. Впрочем, и для них этот спад оказался в целом неглубоким и непродолжительным (см. рисунки 1 и 2).

Третий этап санкционной политики (август 2017 – январь 2022 г.) характеризовался кардинальными изменениями в динамике ПИИ в ДФО. В 2017–2018 гг. объем притока ПИИ в макрорегион пережил значительное падение. Это падение достаточно точно соответствовало синхронной динамике ПИИ на общероссийском и глобальном уровнях и, судя по всему, было реакцией на принятие закона CAATSA и превращение американского санкционного режима в экстерриториальный. В 2019–2021 гг. приток прямых инвестиций в ДФО стал постепенно восста-

навливаясь, но (в отличие от общероссийского и глобального уровней) этот процесс был очень медленным и далеким от пиковых значений поступления ПИИ в 2016 г. (см. рисунок 1).

Вместе с тем объем накопленных ПИИ в макрорегионе стабильно (за исключением 2019 г.) возрастал, увеличившись в итоге за 2017–2021 гг. почти в 2 раза. При этом данный рост опережал общероссийский, в результате чего доля ДФО в накопленных в России ПИИ повысилась с 12,3 до 18,5% (см. рисунок 2). Сохранение позитивной динамики накопления ПИИ можно объяснить реинвестированием иностранным бизнесом доходов, полученных на территории страны. Важным фактором такого поведения инвесторов стало, по-видимому, интенсивное строительство в ДФО в эти годы инфраструктуры институтов развития – территорий опережающего развития (ТОРов) и Свободного порта Владивосток (СПВ) – и введение в действие связанных с ними налоговых и таможенных преференций. Невзирая на санкции, количество иностранных резидентов в дальневосточных ТОРах и СПВ и объем заявленных ими инвестиций вплоть до 2019–2020 гг. показывали уверенный рост²⁰. Последующее изменение этой тенденции было следствием наложения на усиливающееся санкционное давление экономических ограничений, вызванных пандемией COVID.

Однако преференциальная политика на РДВ осуществлялась не только в пределах ТОРов и СПВ. Наиболее масштабным ее направлением была прямая государственная поддержка отдельных крупных инвестпроектов. В частности, на этом направлении была сосредоточена работа упомянутой российско-китайской МПК. С 2014 по 2021 г. портфель

19 Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. – Москва: Росстат, 2015. – С. 575, 577.

20 Пиковое значение заявленных ПИИ (370,7 млрд руб.) было достигнуто в 2019 г., а максимальное количество проектов (105) – в 2020 г. [Суслов, 2024, с. 36].

сопровождаемых МПК «значимых» проектов вырос с 32 до 65, в том числе с 13 до 23 на территории ДФО. Общая стоимость проектов, реализованных и реализуемых в ДФО, достигла 45 млрд долл. [Антонова, Ломакина, 2021; Филончева, Бударина, 2023], что существенно превосходило заявленную величину китайских инвестиций в ТОРы и СПВ.

Если вынести за скобки ПИИ, поступавшие в ДФО из офшорных юрисдикций, то в 2017–2021 гг. именно Китай в наибольшей степени смог укрепить свои инвестиционные позиции в макрорегионе. По отношению к 2016 г. в 2021 г. объем накопленных ПИИ в ДФО из Китая вырос почти в 5,7 раза (для сравнения: накопленные инвестиции из Японии за тот же период увеличились в 2,3 раза, а из ЕС (включая Великобританию, но без Кипра) – в 1,7 раза²¹). Даже с учетом некоторого торможения активности китайского капитала с 2020 г. он проявлял наибольший интерес к новой политике развития макрорегиона. Устойчивость этого интереса особенно наглядна на фоне значительного падения объемов притока (с 2018 г.) и накопления (с 2019 г.) ПИИ из Китая, наблюдавшегося на общероссийском уровне (рисунки 3 и 4). Сходные, но не столь контрастные различия между динамикой на уровне ДФО и России в целом демонстрировали и инвестиции из стран ЕС. Напротив, динамики ПИИ в ДФО из Японии и РК в 2017–2021 гг. воспроизводили общероссийские тенденции либо имели более низкие значения.

В отраслевом разрезе безусловным лидером в накопленных ПИИ в ДФО в 2017–2021 гг. оставалась «добыча полезных ископаемых» (таблица 1)²².

В то же время запуск дальневосточных институтов развития (ТОРов и СПВ) поспособствовал определенной отраслевой диверсификации ПИИ, промежуточные результаты которой, достигнутые к 2021 г., однако, нельзя назвать успешными. Так, всплеск интереса иностранных инвесторов к созданию в ДФО научно-технологической инфраструктуры уже в 2020–2021 гг. сменился спадом. Оттоком иностранного капитала к концу данного этапа завершился ряд перспективных инвестпроектов, инициированных в сфере сельского хозяйства (особенно в животноводстве). Благодаря перестройке географии внешней торговли и усилению в ней роли Китая, наиболее яркий, почти десятикратный, рост накопленных ПИИ за 2014–2021 гг. продемонстрировал транспортно-логистический комплекс макрорегиона, но и здесь в 2020–2021 гг. наметилась негативная тенденция. В итоге за 2017–2021 гг. общая доля несырьевых отраслей в объеме накопленных в ДФО ПИИ сократилась с 3,3 до 2%. Следует также отметить, что в эти годы иностранный капитал полностью ушел из таких отраслей экономики ДФО, как «предоставление прочих видов услуг» (с 2017 г.) и «финансовая и страховая деятельность» (с 2019 г.), что стало прямым следствием санкционных мер.

Резкое ужесточение санкционной политики на четвертом ее этапе (февраль 2022 – январь 2023 г.) оказало на инвестиционные процессы в России и на РДВ противоречивое влияние. Судя по статистике контрагентов, в 2022 г. на страновом уровне его главным результатом было одновременное снижение показателей притока и накопления

21 Объемы накопленных ПИИ в ДФО из РК и США за те же годы упали (Прямые инвестиции в РФ: остатки по субъектам РФ по инструментам и странам-партнерам // ЦБ РФ. – URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/13-dir_inv.xlsx (дата обращения: 16.02.2025).

22 К этой категории можно отнести и многие ПИИ, учтенные в графе «Не распределено».

Рисунок 3. Динамика притока ПИИ в Россию из Китая, Японии, РК и ЕС (2010–2023 гг.), млн долл.

Figure 3. Dynamics of FDI inflow to Russia from China, Japan, South Korea and the EU (2010–2023), million USD

Источник: National Bureau of Statistics of China. – URL: <https://data.stats.gov.cn/english/adv.htm?m=advquery&cn=C01> (дата обращения: 11.02.2025); JETRO. – URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (дата обращения: 11.02.2025); OECD Data Explorer. – URL: <https://data-explorer.oecd.org/> (дата обращения: 16.02.2025); Eurostat. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/balance-of-payments/database> (дата обращения: 15.02.2025).

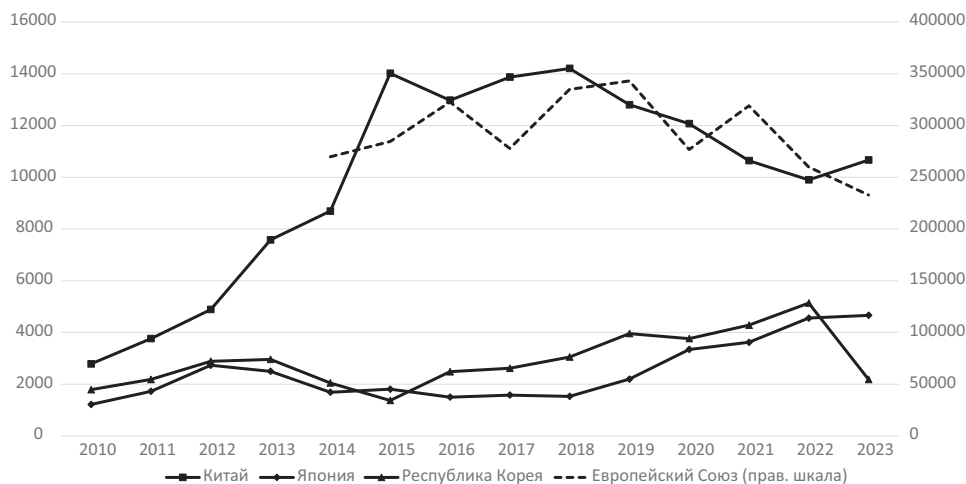

Рисунок 4. Динамика накопленных ПИИ в России из Китая, Японии, РК и ЕС (2010–2023 гг.), млн долл.

Figure 4. Dynamics of FDI stocks in Russia from China, Japan, South Korea and the EU (2010–2023), million USD

Источник: National Bureau of Statistics of China. – URL: <https://data.stats.gov.cn/english/adv.htm?m=advquery&cn=C01> (дата обращения: 11.02.2025); JETRO. – URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (дата обращения: 11.02.2025); OECD Data Explorer. – URL: <https://data-explorer.oecd.org/> (дата обращения: 16.02.2025); Eurostat. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/balance-of-payments/database> (дата обращения: 15.02.2025).

Таблица 1. Накопленные ПИИ в ДФО по видам экономической деятельности (2014–2021 гг.), млн долл.**Table 1.** FDI stocks in the FEFD by type of economic activity (2014–2021), million USD

Виды экономической деятельности	Годы							
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Добыча полезных ископаемых	37 124	34 949	56 428	57 941	71 085	66 381	73 138	90 009
Предоставление прочих видов услуг	702	645	969	–	–	–	–	–
Деятельность финансовая и страховая	494	36	125	166	165	–	–	–
Обрабатывающие производства	145	176	262	254	222	264	276	316
Транспортировка и хранение	111	434	453	739	828	1458	1054	1083
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	102	100	255	276	230	280	243	250
Сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	74	83	203	181	118	88	133	-111
Строительство	69	96	110	47	77	92	95	82
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	20	-42	10	-703	11	145	103	124
Деятельность профессиональная, научная и техническая	–	–	–	1166	1076	1240	879	432
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	–	–	–	–	–	128	86	88
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	–	–	–	2	2	3	4	2
Не распределено по видам	3171	3416	4053	5048	3540	3914	3939	20 717
Всего	42 011	39 891	62 869	65 119	77 354	73 995	79 947	112 994

Источник: составлено по: Прямые инвестиции в РФ: остатки по субъектам РФ в разрезе инструментов и видов экономической деятельности // ЦБ РФ. – URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/24-dir_inv.xlsx (дата обращения: 17.01.2025).

прямых вложений крупнейшего инвестора в Россию – Евросоюза (см. рисунки 3 и 4). Вместе с тем большинство показателей ПИИ из Китая, Японии и РК в 2022 г. в той или иной степени выросли. Подобная динамика говорит о выжидательной позиции, занятой бизнесом из этих стран, и в то же время о его

стремлении принять участие в перераспределении активов, вызванном уходом европейских и американских компаний.

Вынужденный уход иностранных инвесторов, а также внесение их российских партнеров в санкционные списки нанесли ощутимый урон экономике ДФО. Так, из 14 крупнейших²³ ин-

23 С заявленными инвестициями от 1 млрд долл.

вестпроектов с иностранным участием, осуществлявшихся в ДФО, названным формам санкционного давления подверглись 8. Из этих 8 проектов 3 (с общей суммой заявленных инвестиций 13 млрд долл.) были отменены или приостановлены, а еще 3 столкнулись с задержками в своей реализации²⁴.

Тем не менее в ряде сфер экономики ДФО рост накопленных ПИИ в 2022 г. продолжился. К концу 2022 г. величина накопленных ПИИ из Китая в ДФО достигла 13 млрд долл.²⁵ Продолжилось, хотя и меньшими темпами, пополнение новыми дальневосточными проектами портфеля МПК²⁶. Более чем в 3,5 раза вырос в 2022 г. объем заявленных инвестиций в дальневосточные ТОРы и СПВ²⁷. Этот рост также был связан прежде всего с активностью китайского бизнеса, в том числе с переводом в преференциальный режим тех его проектов, реализация которых ранее происходила за пределами ТОРов. В условиях ужесточения санкций российские власти взяли курс на максимальное расширение мер поддержки иностранных инвесторов, уже присутствовавших на РДВ. Главным адресатом этого курса стали инвесторы из дружественного Китая.

Примером развития крупного дальневосточного проекта с участием китайских инвесторов может служить газохимический комплекс (ГХК) в Амурской области (г. Свободный)²⁸. Этот проект, реализуемый с 2014 г., включен в портфель МПК и курируется Корпорацией

развития Дальнего Востока и Арктики. С 2017 г. на него были распространены преференции режима ТОР. В июне 2022 г., после введения очередных санкций ЕС, из проекта вышли подрядчики из Германии и Италии, обеспечивавшие поставки высокотехнологичного оборудования для газопереработки. Тем не менее к лету 2023 г. инвесторам удалось найти альтернативных поставщиков (из Китая, стран Персидского залива и других дружественных стран), и со смещением сроков завершения с 2025 на 2027 г. строительство ГХК было продолжено²⁹. Адаптацию ГХК к санкционному давлению можно считать достаточно типичной для крупных инвестпроектов с китайским участием, получающих прямую государственную поддержку.

Особенностью пятого этапа санкционной политики (с февраля 2023 г.) было общее преобладание в динамике ПИИ в России негативных тенденций. В 2023 г. спад притока прямых инвестиций в Россию показали не только страны ЕС, но и Япония и РК. Некоторую положительную динамику сохранили лишь инвестиции из Китая (см. рисунок 3). Что касается объемов накопленного капитала, то ПИИ из Китая и Японии (на фоне продолжающегося сокращения ПИИ из стран ЕС) демонстрировали стабилизацию (рисунок 4).

Признаки спада и последующей стабилизации можно обнаружить в динамике ПИИ и в ДФО. Так, в 2023 г. общее количество «значимых» проек-

24 Подсчитано автором по материалам СМИ.

25 Китай вложил в Дальний Восток больше 13 млрд долларов // РБК. Приморье. – 2023. – 17 февраля. – URL: <https://prim.rbc.ru/prim/freenews/63ef03df9a79473d08c281aa?ysclid=m8l5za4uy1168179953> (дата обращения: 01.03.2025).

26 Межправительственная Российско-Китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству. – URL: <https://mpk-cn.ru/> (дата обращения: 30.01.2025).

27 Николай Запрыгаев: Иностранный бизнес заинтересован в Дальнем Востоке // Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. – 2023. – 18 августа. – URL: <https://erdc.ru/news/nikolay-zapryagaev-inostrannyi-biznes-zainteresovan-v-dalнем-vostoke/?ysclid=m8l76red4e83959756> (дата обращения: 14.01.2025).

28 Заявленный объем инвестиций в ГХК составляет 11,6 млрд долл., а доля в проекте китайской стороны (SINOPEC) – 40%. См.: Проекты межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству // МПК. – URL: https://mpk-cn.ru/content/docs/O_proekтах_комиссии_8_МПК.pdf (дата обращения: 30.04.2025).

29 «Сибур» перенес срок реализации Амурского ГХК на 2027 год // РБК. – 2023. – 13 сентября. – URL: <https://www.rbc.ru/business/13/09/2023/6501cd259a7947580be4d703> (дата обращения: 02.05.2025).

тов МПК, реализуемых на территории округа, по отношению к 2022 г. не изменилось (23 проекта). Почти на прежнем уровне осталось и количество проектов с иностранными инвестициями в дальневосточных ТОРах и СПВ (83 в 2023 г. против 85 в 2022 г.). Незначительной корректировке подверглась сумма ПИИ, заявленных резидентами ТОРов и СПВ (857 млрд руб. в 2023 г. против 870 млрд руб. в 2022 г.) [Суслов, 2024, с. 36].

Бесспорным лидером среди доноров ПИИ в ДФО на этом этапе по-прежнему являлся Китай. В частности, в 2023 г. его доля в заявленных ПИИ в дальневосточных ТОРах и СПВ составляла почти 94,7% (для сравнения: доля Японии – 1,3%). При этом в 2022 и 2023 гг. объемы ПИИ, запланированные на преференциальных территориях резидентами из Японии, РК и стран ЕС, имели тенденцию к снижению³⁰ [Суслов, 2024, с. 36].

Вместе с тем для Китая был характерен относительно низкий уровень фактической реализации ПИИ (42% от заявленного в 2023 г. объема). В этом аспекте Китай значительно уступал многим другим странам (ЕС, Австралии, Индии, Японии, Сингапуру), инвесторы из которых исполняли свои обязательства на 60–90%, а в некоторых случаях и с многократным превышением суммы контракта [Суслов, 2024, с. 35–36]. По-видимому, такое поведение китайских инвесторов можно объяснить их особенной восприимчивостью к угрозе вторичных санкций, эскалация которых была отличительной чертой пятого этапа санкционной

политики. С опасениями вторичных санкций, судя по всему, связаны и участвовавшие отказы китайского бизнеса от участия в дальневосточных инвестиционных проектах за пределами ТОРов и СПВ.

В то же время примечательной тенденцией данного этапа является бурный рост регистраций компаний с китайским участием в приграничных регионах ДФО (в Забайкальском, Приморском, Хабаровском краях, Амурской области, Республике Бурятия)³¹. В 2017–2021 гг. количество таких компаний на РДВ постепенно снижалось³². Однако в 2022 г. этот тренд был переломлен. С 2022 по 2024 г. число регистраций новых компаний в приграничных регионах увеличилось к уровню 2020–2021 гг. в 3–6 раз³³. Поскольку большая часть вновь создаваемых компаний специализировалась на торговой и транспортно-логистической деятельности, этот процесс можно считать оперативной реакцией малого и среднего бизнеса Китая на начавшуюся под влиянием западных санкций иностранную перестройку трансграничных экономических связей России.

Долгосрочные изменения в объеме и структуре ПИИ в ДФО: фактор санкций

Рассмотрение долгосрочной динамики ПИИ в ДФО с начала 2010-х по начало 2020-х годов дает возможность выделить важнейшие изменения в их объеме и структуре и сопоставить их с тенденциями санкционной по-

30 Рост заявленных ПИИ в 2022–2023 гг. наблюдался у резидентов из Сингапура, Австралии и Индии.

31 Российско-китайский инвестиционный индекс. 2 квартал 2024 г. // Институт Китая и современной Азии РАН. – URL: <https://www.iccaras.ru/news/vyshel-rossijsko-kitajskij-investitsionnyj-indeks-za-2-kvartal-2024-goda.html?ysclid=m8l7k62jlx242284144> (дата обращения: 14.01.2025).

32 В России на 40% сократилось число компаний с иностранным участием // КонтурФокус. – 2021. – 22 сентября. – URL: <https://focus.kontur.ru/site/news/7809?ysclid=m8l7neo45j668354704> (дата обращения: 23.01.2025).

33 Эксперты фиксируют рост регистраций китайских компаний в России // Интерфакс. – 2025. – 14 января. – URL: <https://group.interfax.ru/interfax/about/smi/ekspertry-fiksiruyut-rost-registratsiy-kitayskikh-kompaniy-v-rossii/?ysclid=m8jlm2ok46471691693> (дата обращения: 23.01.2025).

литики и иных факторов глобальной, национальной и макрорегиональной инвестиционной среды как экономического (динамика внешней торговли, курс рубля), так и политического (инвестиционная политика Российской Федерации) типа.

Вплоть до 2016 г. динамика притока ПИИ в ДФО сохраняла в целом достаточно устойчивый повышательный тренд. «Секторальные» санкции, вводившиеся США и странами G7 с марта 2014 по июль 2017 г., сопутствовавшие им глубокое падение стоимостных показателей торговли ДФО и девальвация рубля³⁴ не оказали на эту динамику существенного влияния. Некоторое понижение объема накопленных ПИИ в ДФО в 2015 г. было меньшим, чем на национальном уровне, и привело к повышению доли округа по этому показателю в России. Воздействие санкций и негативной внешнеэкономической конъюнктуры на инвестиционную ситуацию в ДФО было в основном нейтрализовано проводившейся с 2014 г. политикой селективного развития округа, частью которой стал комплекс налоговых и административных преференций для иностранных инвесторов.

В то же время преференции не могли компенсировать технологический эффект «секторальных» санкций, который стал фактором сдерживания развития дальневосточного ТЭК на длительную перспективу. Последствия этих мер по блокированию доступа к американским и европейским нефтегазовым технологиям и оборудованию (а также позднейших ограничений, коснувшихся прежде всего ОПК и горнодобывающего сектора) в полном объеме не преодолены экономикой ДФО до настоящего времени

[ТЭК России..., 2022, с. 3, 6; Киреев, 2025, с. 41].

В 2017–2021 гг. происходит значительное падение, а затем стагнация притока ПИИ в макрорегион. При этом накопление ПИИ в ДФО продолжало демонстрировать повышательную динамику. Динамику притока ПИИ в ДФО, воспроизводившую в целом тенденции общероссийского и глобального уровня, можно объяснить расширением географии ограничительных мер, подтолкнувшим к масштабной реконфигурации инвестиционных связей в мировой экономике [Квашнина, 2024; Булатов, 2023]. Вместе с тем ухудшение глобальных условий для миграции капитала и нарастающая дестабилизация сети международной торговли сырьем, прежде всего углеводородами, объективно повышали интерес к ресурсам и преференциальным режимам РДВ, в особенности со стороны соседних стран АТР. Это способствовало более активному reinvestированию в макрорегион иностранного капитала, уже присутствовавшего на территории России.

Наиболее серьезный урон объемам ПИИ в ДФО был нанесен реализацией четвертого (февраль 2022 – январь 2023 г.) и пятого (с февраля 2023 г.) этапов санкционной политики Запада. Помимо прямых запретов на инвестиции и сдерживающего воздействия вторичных санкций давление на инвестиционную динамику округа оказало влияние на значительное сжатие импорта и обесценение рубля [Киреев, 2025, с. 42–46; Экономическое развитие..., 2024, с. 76–85]. Как и Россия в целом, в 2022 и 2023 гг. ДФО пережил отрицательные значения притока ПИИ и существенное сокращение объема накопленного иностранного

34 Последние также имели политическую обусловленность [Киреев, 2025, с. 44].

капитала. Тем не менее падение инвестиционных показателей макрорегиона было менее глубоким, чем на общероссийском уровне. Важнейшую роль в этом сыграла активная и адаптивная инвестиционная политика в макрорегионе, а также оживление предпринимательской деятельности в ДФО, связанное с расширением идущих через его территорию внешнеторговых потоков и ростом цен на экспортные и импортные товары.

Антироссийские санкции в тесной связи с общей геополитически обусловленной перестройкой международных инвестиционных связей за последнее десятилетие внесли ряд изменений в географическую структуру ПИИ в ДФО. Наиболее значимыми среди них стали:

1. Увеличение в структуре накопленных ПИИ доли инвестиций, поступающих в ДФО через офшорные юрисдикции. С середины 2010-х годов возвращение российских капиталов через офшоры в ДФО, наряду с возможностью получения налоговых и иных льгот, всё более мотивировалось ухудшением условий их инвестирования в странах-санкционерах [Булатов, 2023, с. 77–80]. Кроме того, для многих зарубежных инвесторов офшоризация своих вложений в ДФО стала способом защиты от вторичных санкций.

2. Падение (в особенности с 2022 г.) доли таких источников накопленных ПИИ в ДФО, как ЕС, Великобритания, США и Канада. При этом часть стран санкционной коалиции (включая ближайших соседей макрорегиона – Японию и РК) заняла выжидательную позицию, ориентированную на максимально возможное сохранение своего инвестиционного присутствия на территории ДФО.

3. Устойчивая тенденция к укреплению положения в ДФО китайского капитала. Несмотря на сдерживающее

влияние вторичных санкций, инвестиционное присутствие Китая в округе особенно усилилось с 2022 г., в условиях ухода западных инвесторов, роста двусторонней торговли и фокусировки внимания дальневосточных институтов развития на запросах китайского бизнеса.

Последствия санкций для отраслевой структуры накопленных ПИИ в ДФО были менее существенными:

1. Корректировка доли в накопленных ПИИ добычи полезных ископаемых (ТЭК и горнодобывающий сектор), тем не менее не лишившая ее доминирования в отраслевой структуре инвестиций. Даже после масштабного передела активов этого сегмента экономики ДФО в пользу российских компаний в 2022 г. он остается наиболее привлекательным для иностранных инвесторов.

2. Некоторая диверсификация структуры ПИИ в ДФО, связанная с ростом с середины 2010-х годов абсолютных объемов их накопления в транспортно-логистической отрасли, торговле, научно-технической деятельности, индустрии развлечений и гостиничном секторе. Она стала результатом активизации на РДВ иностранного малого и среднего бизнеса, менее уязвимого для санкций и при этом более восприимчивого к стимулам преференциальных режимов макрорегиона.

3. Полный уход ПИИ из таких отраслей дальневосточной экономики, как «предоставление прочих видов услуг» (с 2017 г.) и «финансовая и страховая деятельность» (с 2019 г.). Он явился прямым следствием ужесточения санкционной политики Запада на третьем ее этапе.

Отсутствие официальной российской статистики не позволяет точно охарактеризовать инвестиционную ситуацию в ДФО за последние три

года. Тем не менее, судя по доступным данным, нижняя точка спада, начавшегося в 2022 г., уже пройдена. Объем притока ПИИ в ДФО в 2024 г. остался примерно на уровне 2023 г.³⁵ На мой взгляд, существуют весомые предпосылки для того, чтобы в ближайшей перспективе динамика ПИИ в макрорегионе вступила в фазу роста. Если абстрагироваться от труднопредсказуемых обстоятельств международно-политического порядка, то такому росту благоприятствуют прежде всего два основных фактора: 1) возрастающие в условиях фрагментации мировой экономики объективная ценность и привлекательность сырьевых ресурсов ДФО и 2) развитая и уже доказавшая свою достаточно высокую контрсанкционную эффективность система дальневосточных институтов развития.

Перспективной задачей инвестиционной политики на РДВ является обеспечение структурной сбалансированности будущего оживления динамики ПИИ. Эта сбалансированность имеет три ключевых аспекта: 1) географический – уравнивание притока китайского капитала стимулированием инвестиций из стран Южной и Юго-Восточной Азии, а также таких «недружественных», но значимых соседей ДФО, как Япония и РК; 2) отраслевой – перенос акцента в преференцировании ПИИ на отрасли, занятые переработкой добываемых в ДФО ресурсов (химическую, металлургическую, пищевую, деревообрабатывающую); 3) институциональный – фокусирование государственных капиталовложений на сферах, имеющих наименьшие шансы привлечения ПИИ (строительстве, сельском хозяйстве, туризме, научно-технической деятельности).

Меры структурного балансирования способны повысить общую устойчивость экономики РДВ к внешним инвестиционным шокам (в том числе связанным с накапливающимися проблемами в финансовой системе Китая). Однако, учитывая тенденцию к барьеризации инвестиционных потоков в мире и возрастающую нестабильность международных рынков, их вероятную эффективность нельзя переоценивать. Поэтому наряду с их реализацией необходимо изыскивать дополнительные эндогенные источники поддержки экономического развития ДФО, включая новые инструменты государственной финансово-кредитной политики и механизмы привлечения на макрорегиональный рынок средств населения [Развитие больших..., 2023, с. 254–265].

Список литературы

Булатов А.С. Новые тренды в движении капитала в мире и России // Вопросы экономики. – 2023. – № 9. – С. 65–83. – DOI: 10.32609/0042-8736-2023-9-65-83.

Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А. Инвестиции и трансграничная кооперация на Востоке России // Регион: Экономика и Социология. – 2020. – № 4 (108). – С. 202–234. – DOI: 10.15372/REG20200409.

Демаре А. Обратный эффект санкций. Как санкции меняют мир не в интересах США. – Москва : Азбука-Аттикус, 2024. – 320 с.

Дёмина О.В., Мазитова М.Г. Экспортная специализация топливно-энергетического комплекса Дальневосточного федерального округа: влияние санкционных ограничений // Регионалистика. – 2022. – Т. 9, № 6. – С. 67–84. – DOI: 10.14530/reg.2022.6.67.

35 Трутнев: приток инвестиций на Дальнем Востоке достиг 900 млрд рублей в 2024 году // ТАСС. – 2024. – 26 декабря. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/22771393?ysclid=m8lhpw2izm660705838> (дата обращения: 10.02.2025).

Изотов Д.А. Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2020. – 368 с.

Квашнина И.А. Новые тенденции в глобальных потоках трансграничных прямых инвестиций // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2024. – № 3. – С. 61–75. – DOI: 10.52180/2073-6487-2024_3_61_75.

Киреев А. Воздействие санкций на структуру трансграничной торговли ДФО // Мировая экономика и международные отношения. – 2025. – Т. 69, № 3. – С. 38–49. – DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-3-38-49.

Кузнецова О.В. Роль государственной политики в привлечении прямых иностранных инвестиций на Дальний Восток России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 1. – С. 106–121. – DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-106-121.

Преодолевая холод. Интересы и политика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в Арктике: вызовы и возможности для России / под ред. В.Л. Ларина и С.К. Песцова. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2017. – 400 с.

Развитие больших социально-экономических систем: Дальневосточный макрорегион / отв. ред. П.А. Минакир, А.Г. Исаев. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2023. – 352 с.

Суслов Д.В. Привлечение прямых иностранных инвестиций в экономику российского Дальнего Востока в 2020-е годы: смена тренда // Власть и управление на Востоке России. – 2024. – № 4 (109). – С. 26–38. – DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-26-38.

Тимофеев И.Н. Вторичные санкции США на российском направлении: опыт эмпирического анализа // Сравнительная политика. – 2024. – Т. 15, № 1. – С.95–114. – DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-15-95-114.

Тимофеев И.Н. Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, № 4. – С. 136–152.

ТЭК России в условиях санкционных ограничений // Энергетические тренды. – 2022. – Выпуск № 106 (март). – URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo106.pdf> (дата обращения: 21.01.2025).

Филончева Д.А., Бударина Н.А. Анализ проектов инвестиционного сотрудничества России и Китая // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 6-2 (100). – С. 165–168. – DOI: 10.24412/2411-0450-2023-6-2-165-168.

Экономическое развитие стран Северо-Восточной Азии в условиях глобальных вызовов / отв. ред. Д.А. Изотов. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2024. – 390 с.

Russian Experience

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.04

Impact of Anti-Russian Sanctions on the Dynamics of Foreign Investments in the Far Eastern Federal District

Anton A. KIREEV

PhD (Political Sciences), Associate Professor of the Department of Political Science
Far Eastern Federal University
Sukhanova Street, 8, Vladivostok, Russian Federation, 690950
E-mail: antalkir@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0274-4030

CITATION: Kireev A.A. (2025). Impact of Anti-Russian Sanctions on the Dynamics of Foreign Investments in the Far Eastern Federal District. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 3, pp. 63–83 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.04

Received: 26.03.2025.

Revised: 09.06.2025.

ACKNOWLEDGMENT. The research is accomplished under the Russian Science Foundation, grant no. 24-28-00605, <https://rscf.ru/project/24-28-00605/>

ABSTRACT. *The objective of the study is to identify and assess the impact of the Western sanctions policy on the long-term dynamics of the volume and structure of FDI in the Far Eastern Federal District (FEFD) since the early 2010s. The first part of the article examines the stages of the development of the sanctions policy, the formation of its subjects, goals and objects, as well as its methods and mechanisms. The second part of the article is devoted to a synchronous comparative analysis of the stages of the sanctions policy and changes in the volume of FDI inflow and accumulation in the FEFD, their geographical structure, and sectoral distribution. The final section highlights the key changes in the dynamics of cross-border investment in the FEFD and puts forward assumptions*

about the factors behind these changes and the role of the sanctions policy among them. It is concluded that the damage caused to the inflow and accumulation of FDI in the FEFD by the sanctions was relatively smaller than at the national level, which was largely due to the system of Far Eastern development institutions created in the second half of the 2010s. At the same time, the preferential policy was unable to prevent the concentration of FDI in the extractive sector of the macroregion and the rapidly increasing dependence of its economy on the movement of Chinese capital.

KEYWORDS: *sanctions policy, foreign direct investment, investment policy, development institutions, investment structure, Far Eastern Federal District.*

References

- Bulatov A.S. (2023). New trends in capital movement in the world and Russia. *Voprosy ekonomiki*. No. 9, pp. 65–83 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2023-9-65-83.
- Demarais A. (2024). *Backfire. How Sanctions Reshape the World against U.S. Interests*. Moscow: Azbuka-Attikus, 320 pp. (in Russian).
- Dyomina O.V., Mazitova M.G. (2022). Export Specialization of the Fuel and Energy Complex of the Far Eastern Federal District: The Impact of Sanctions Restrictions. *Regionalistics*. Vol. 9, no. 6, pp. 67–84 (in Russian). DOI: 10.14530/reg.2022.6.67.
- Ekonomicheskoye razvitiye... (2024). *Economic Development of North-East Asian Countries in the Context of Global Challenges* / ed. by D.A. Izotov. Khabarovsk: ECRIN FEB RAS, 390 pp. (in Russian).
- Filoncheva D.A., Budarina N.A. (2023). Analysis of investment cooperation projects between Russia and China. *Economy and Business: Theory and Practice*. No. 6-2 (100), pp. 165–168 (in Russian). DOI: 10.24412/2411-0450-2023-6-2-165-168.
- Glazyrina, I.P., Faleychik L.M., Faleychik A.A. (2020). Investment and cross-border cooperation in the East of Russia. *Region: Economics and Sociology*. No. 4 (108), pp. 202–234 (in Russian). DOI: 10.15372/REG20200409.
- Izotov D.A. (2020). *Economic Integration of Russia with the Asia-Pacific Countries: Problems and Prospects*. Khabarovsk: IEI FEB RAS, 368 pp. (in Russian).
- Kireev A. (2025). Impact of Sanctions on the Structure of Transborder Trade of the Far Eastern Federal District. *World Economy and International Relations*. Vol. 69, no. 3, pp. 38–49 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-3-38-49.
- Kuznetsova O.V. (2018). The Role of State Policy in Attracting of Foreign Direct Investment to the Far East of Russia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 11, no. 1, pp. 106–121 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-106-121.
- Kvashnina I.A. (2024). New trends in global flows of transborder direct investment. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. No. 3, pp. 61–75 (in Russian). DOI: 10.52180/2073-6487_2024_3_61_75.
- Preodolevaya kholod... (2017). Larin V.L., Pestsov S.K. (eds.). *Overcoming the Cold. Interests and Policies of the Asia-Pacific Countries in the Arctic: Challenges and Opportunities for Russia*. Vladivostok: IAE FEB RAS, 400 pp. (in Russian).
- Razvitiye bol'shikh... (2023). Mina-kir P.A., Isaev A.G. (eds.). *Development of Large Socio-Economic Systems: Far Eastern Macroregion*. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 352 pp. (in Russian).
- Suslov D.V. (2024). Attracting Foreign Direct Investment into the Economy of the Russian Far East in the 2020s: The Change of Trend. *Power and Administration in the East of Russia*. No. 4 (109), pp. 26–38 (in Russian). DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-26-38.
- TEK Rossii... (2022). The Russian fuel and energy complex under sanctions restrictions. *Energy trends*. Issue 106 (in Russian). Available at: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo106.pdf>, accessed 21.01.2025.
- Timofeev I.N. (2022). Doubtful Effectiveness? Sanctions against Russia before and after February. *Russia in Global Affairs*. Vol. 20, no. 4, pp. 136–152 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-136-152.
- Timofeev I.N. (2024). The U.S. Secondary Sanctions Related to Russia: Empirical Analysis. *Comparative Politics Russia*. Vol. 15, no. 1, pp. 95–114 (in Russian). DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-15-95-114.